Освоение Омского Прииртышья

I. ПЕРВЫЕ ДОРОГИ

В первоначальный период освоения русскими поселенцами просторов Западной Сибири связь между изолированными очагами русской оседлости осуществлялась по рекам в то время, когда была возможна навигация. Но уже в XVII веке в экстренных случаях стала практиковаться посылка гонцов по сухопутным дорогам — из Тобольска в Тару, из Тары в Томск и в Нарым. Эти дороги для гонцов были опасны не столько возможностью встречи с «лихими людьми», сколько, наоборот, полным безлюдьем диких лесов и степей. И если подводил «борзый конь» или застигало в пути стихийное бедствие, гонец терялся бесследно, и найти его было, практически, невозможно.

Но уже к началу XVIII века сухопутным путем от Тобольска, губернского города, вдоль Иртыша до Тары пользовались уже регулярно: трасса была изучена, налажены контакты с местным населением — до того, что в обязанности тарских низовых татар входило выставлять лошадей на проезжую дорогу. Еще один маршрут проходил по дороге Тара—Викуловская слобода — Ялуторовск — Тюмень. По нему проходили военные команды и шли купеческие грузы, перевозилась почта для сибирских городов. Для поддержания дороги в рабочем состоянии привлекались крестьяне, которых заставляли расчищать отдельные ее участки, прокладывать просеки, корчевать пни, строить мосты, устраивать гати через топкие болотистые места.

Однако уже проложенные стихийным образом, дороги в междуречье Ишима и Иртыша не могли удовлетворить всех военных и промышленных нужд. Были они «с великими кривизнами», и проходили по болотистым, трудно проезжим местам; в осеннее ненастье кони тонули на них в грязи по самое брюхо. Поэтому возвращающиеся после взвоза дощаников в Верхне-Иртышские крепости, крестьяне проторили прямые дороги из Абацкой слободы на город Тару, и из Абацкой слободы на Чернолуцкую слободу и Омскую крепость. За ними эти маршруты освоили и военные, которые по ним «важивали провиант и припасы».

В 1745 году полковник Омского гарнизона Я. Павлуцкий написал, что спрямление линии укреплений создает условия «для скорой и удобной коммуникации, так как на дальнем расстоянии весьма оную продолжать трудно и невозможно, а в перевозке фуражу немалый труд людям и лошадям происходит а паче зимою». Поэтому с постройкой линии укреплений и заселением прилегающих к ней пространств при переходе воинских команд и перевозке грузов им будет где останавливаться на ночлег и пользоваться запасным фуражом для лошадей. В соответствии с этим «прожектором» при строительстве Новой линии укреплений военными командами была проложена дорога от Омской крепости до Петропавловской, и далее — вдоль Ишима до Коркиной слободы. По этой дороге ездили курьеры, возили почту, но для доставки значительных грузов она все-таки не годилась. И в 1758 году командующий Новой линии приказал дорогу от Омской крепости до Петропавловской и Коркиной слобод «за великою кривизною отставить, а вместо оной учредить прямой тракт от Мельничного редута через степь на Абацкую слободу». Для этого в разведку был командирован поручик Бутенев — «изаскать прямую дорогу» и определить места для поселения людей. Но по неопытности местность была им «не измерена и какое расстояние имеет быть неизвестно», и для исправления недоработок поручику Уксусникову было велено «взять пять доброконных казаков и крестьян из тех, кто ходил с Бутеневым, пройти от Мельничного редута до Абацкой слободы и все оную дорогу измерять, какое расстояние верст и где ставить верстовые столбы, описать все речки и озера и леса до 200 сажен от дороги... Когда дорога будет измерена, надлежит определить сколько построить почтовых избушек, чтобы одна от другой не более 26 и не менее 20 верст были... Обратно поворотясь от Абацкой слободы строить те почтовые избушки в свободных и угодных местах». Для строительства выделялась команда из 22 казаков «с топорами и с лопатами и с прочими надлежащими к строению инструментами». А для поддержания связи с командой и устройства почтового сообщения между конечными пунктами на этой дороге выделялось 28 «доброконных казаков».

Сразу за началом работ на новой дороге был издан указ, где объявлялось, что к «поселению угодные хлебопашные и сенокосные места показаны будут без замедления», и когда крестьяне «на той новой дороге заселятца, то с них подвод требоватца не будет, да и на дощаники в работу употреблятца не станут, равно проезжающие никаких им обид и налог чинено быть не имеет». Офицерам гарнизона, ведающим размещением переселенцев, в инструкции предписывалось «посельщикам никаких обид, налог и примыток не чинить и денег не брать... земли отводить способные, чтобы другие вперед прибывающие селитца могли и на то поселение охоту имели». При этом разрешалась свобода выбора участков: «пусть селятся, где понравится на почтовой дороге», но не далее версты от дороги. После получения прошений от крестьян военная походная канцелярия требовала от управительских канцелярий немедленно отпускать желающих на переселение. В конце зимы им предписывалось, дабы не забыли, при выезде крестьян «взбирать сошники и годного на посев хлеба, и чтоб ехали не мешкая, чтоб весной посеять яровой хлеб, лес на строения заготовить, а посеянную озимую рожь могут снять в тех местах, где они живут, когда оная поспеет и по уборке того хлеба и совсем на новые места перейтить жить». Однако обещание «никаких обид и налог не чинить» администрацией постоянно нарушалось: когда весной на речках Тюкалке и Крутой снесло мосты, командующий приказал офицеру на Абацком тракте «принудить обывателей, чтоб они не полагались на военных чинов, те мосты исправили»; крестьянам постоянно приходилось дежурить на перевозках, ремонтировать дороги, строить мосты и гати, а это отрывало их от хозяйственных работ.

Успешно справившийся со своей задачей теперь уже прапорщик Уксусников в 1755 году получил новое задание — разведать места восточнее Иртыша и наметить прямую трассу дороги. При его выполнении прапорщик определил, что дорогу целесообразнее всего провести от деревни Артынской Подволошний на Иртыше на юго-восток до речки Тарки, правого притока Оми, и далее вдоль Оми до Усть-Тартасского форпоста. Эта новая трасса, хотя и проходила по болотистым безлюдным местам, но была в два раза короче старой, проходившей вдоль реки Тары, далее по притоку Оми Тартасу и вдоль Оми через Барабинскую степь до Оби. По этой новой дороге, как и по другим, пошел далее на восток поток вольных переселенцев, поскакали гонцы со срочными донесениями, и для их прикрытия и обеспечения безопасности были устроены пасы с небольшими командами казаков, заодно взявших под охрану и ясашных татар из ближайших окрестностей.

В 1763 году командующий Новой линии выдвинул перед правительством предложение «дорогу через Аевский волок и город Тару за великою оной окружностью, а особо за крайнею неспособностью и великими грязями Аевского волока уничтожить», а дорогу «учинить от Абацкой слободы по вновь проложенной через Абацкую степь почтовой дороге, от Тюкалинского станца поворотясь несколько налево к реке Иртышу на деревню Крутую, а оттуда по Барабинской степи возле речки Оми». В рапорте командующего в Сенат особо подчеркивается трудность преодоления Аевского волока — «ибо тот Аевский волок ежегодно весною от воды потопляется, да и среди лета от великих грязей проезд бывает весма трудный».

Б. КАССАЛ,
руководитель секции экологии НОУ.

(Продолжение следует).

Освоение Омского Прииртышья

1. ПЕРВЫЕ ДОРОГИ

(Продолж. Нач. в № 67).

Новая же дорога «простирается по хлебопашным и сухим местам».

Сенат рассмотрел представление сибирской администрации и счел необходимым старую дорогу сохранить, но рекомендовал ускорить заселение новой дороги. Губернатору Соймонову предлагалось «для лучшего и способного по той дороге проезда, в назначенных станцах учинить поселение из присылаемых туда из России на поселение посельщиков из числа отправляемых помещиками в счет рекрут». После этого решения Сената губернатор просил командующего сообщить, «в которых больше местах в поселении нужда есть, туда они прямо и отправлены будут», подчеркивая при этом, что он «неусыпное стремление имеет населить перво линии». В другой памятке Сибирской губернской канцелярии рекомендовалось, чтобы по тракту деревни были на равном расстоянии, чтобы проходящие и проезжающие команды «обогрев имели», потому «надобно стараться заселить деревни вблизи Омской крепости» и сделать «умножение населения по трактам». Строительство и организация нормального функционирования Сибирского тракта приобрело большое значение для развития края и усиления связей Сибири с Россией. Однако строительство и ремонт дорог, подводная гоньба и обслуживание перевозов тяжелым бременем легли на еще немногочисленное сибирское крестьянство. Через Омское Прииртышье на восток на крестьянских подводах доставлялось продовольствие, перевозилось снаряжение, пушки, порох и ружья для многочисленных гарнизонов сибирских крепостей. Кроме того, на крестьянских же подводах перевозились партии ссыльных, ездили курьеры и чиновники, а с востока везли продукцию сибирских заводов. Потребность в подводах была большая, но подводная гоньба разоряла крестьян, мешала им в сельскохозяйственных работах. Губернатор признавал, что крестьяне, живущие по тракту, «пришли в упадок»: выборный от крестьян Тюкалинской слободы Яков Сокольников в 1766 году писал в жалобе, что они «хотя совсем переселились, однако еще домашним обзаводством несовершенно исправились», а уже имеют «всю здешнюю тягость, то есть в подводной гоньбе до слободы Абацкой и Чернолуцкой в обе стороны, на город Тару и на Барабинскую степь на немалое расстояние... повоски бывают частые... через самое короткое время, от чего те крестьяне по новому заселению как сами в разорение, так и их лошади в падеж приходят». Жалобы на то, что от частых поездок собственные крестьянские «лошади приходят в упадок, а другие во изнурение, и от того мы, крестьяне, в пахоте собственных пашен и в размножении хлебопашества имеем недостаток и недопашку», были обоснованы, ибо в первоначальный период доходы от ямщины никак не возмещали затрат, которые крестьяне несли по обслуживанию тракта. И лишь позже, когда тракт начал нормально функционировать и по нему пошло больше купеческих грузов, ямщина для богатых многолошадных крестьян притрактовых сел стала доходным занятием.

Таким образом, в результате целенаправленной деятельности сибирской администрации уже с начала 70-х годов XVIII века все участки сибирского тракта в пределах Западной Сибири были довольно плотно заселены, и это способствовало усилению экономических связей края и создало предпосылки для массового переселения в Омское Прииртышье русских крестьян.

2. ССЫЛКА

Массовая ссылка второй половины 18 — начала 19 веков закрепила за Сибирью славу края ссылки и каторги. Правительство Российской империи делало все для того, чтобы утвердить за Сибирью плохую славу, поддерживали ее и пугали Сибирью народ. Ссылка сюда использовалась как жестокая мера наказания, и поток ссыльных в Сибирь постепенно возрастал. С укреплением крепостной обороны в Прииртышье этот район более всего нуждался в расширении пашен для обеспечения гарнизонов и казачьих и драгунских команд продовольствием. Поэтому ссыльные стали направляться, прежде всего, в этот район, — правительство сделало ставку на то, что ссыльнопоселенцы смогут прокормить на Прииртышских землях не только себя, но и военные гарнизоны.

Усиливая закрепощение крестьян и борясь с бегством «тяглого населения», имперское правительство уже в 1729 г. издало указ «об отсылке бродяг и беглых в солдаты или ссылке в Сибирь». В указе говорилось, что если «слоняющиеся явятся беглые и гулящие люди и подлинного о себе свидетельства не покажут», то из тех беглых крепостных возвращать помещикам, а «которые явятся не крепостные чьи и в подушном окладе не записаны и ни у каких дел не обретаются и живут праздны, таковых по исследованию об них дел, не держав ни малого времени, отсылать годных в службу, а не годных велеть себе приискивать таких, которые бы их написали в подушный оклад, а ежели никто не примет, оных посылать для поселения в Сибирь, дабы через то шатающихся и праздных без дел и без платежа подушных денег никого не было».

Ссыльные по указу 1729 года стали поступать в Тару, из которой шло снабжение людьми и продовольствием в Верхне-Иртышские крепости. В Таре не знали, нужно ли с ссыльных брать подушные, или можно предоставлять им льготный срок, пока не освоятся на земле. На запрос из Тары Сенат издал указ от 1730 года, в котором разъясняется: «Прежде посланных в Сибирь на житье в Тару разных чинов людей и ком ныне посылаются и впредь посылаться будут, тех писать в подушный оклад, такмо с присылки их давать льготы на два года, в которые тех подушных денег с них не брать; а по прошества тех двух лет подушные деньги брать с них с прочими в равенстве... И для этого отвесть им под селения места в подгородных слободах, в которых они пожелают». Это дало возможность ссыльным крестьянам на новом месте жительства хотя бы в первое время быть свободными от налогов, употребляя эти средства на обзаведение и укрепление крестьянского хозяйства.

Трудно судить, какое количество ссыльных того времени закрепились на жительство в Таре и влились в постоянное население. На вопрос в тарскую воеводскую канцелярию историка Г. Миллера о том, «откуда и какими людьми населен город?», был получен следующий ответ: «Населен с давних лет по грамотам и указам с Москвы и других русских городов разных чинов служилыми людьми и по разным делам за вины присыльными людьми». Однако из разных источников известно, что из Тарского уезда было большое число беглых, которые в 30—40-е годы встречались на территории Томского, Кузнецкого ведомства и Алтайского горного округа.

Б. КАССАЛ,
руководитель
секции экологии НОУ.

(Продолжение следует).

Освоение Омского Прииртышья

2. ССЫЛКА

(Продол. Нач. в №№ 67, 68).

По мере обострения кризиса крепостничества и усиления освободительной борьбы народа ссылка в Сибирь превращалась в орудие репрессий Кузнецкого ведомства и против нарушителей феодально-крепостнических законов. Наряду с уголовными элементами и бродягами, в Сибирь стали направляться крестьяне, протестовавшие против крепостных порядков. Имея главной целью борьбу с повстанцами, русское правительство старалось попутно решить и некоторые экономические проблемы освоения Сибири. В правительственных кругах России 18 века довольно прочно господствовала теория, считавшая, что в густоте и многочисленности населения — источник силы и богатства государства. Некоторые представители сановной бюрократии имели мнение о том, что население России распределено неравномерно, и это дело надо исправлять. В густонаселенных частях страны жители мало получают «произведений природы», а малонаселенные районы «лежат в пустоте», вследствие чего казна недополучает доходов. С целью их увеличения и укрепления обороны окраин страны в кругах администрации рождались различные проекты колонизации малонаселенных окраин, рассчитанные на решение вопроса «без лишнего казенного расхода». После длительного обсуждения в Сенате и других правительственных инстанциях, в 1760 году «во всенародное известие» был опубликован указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, монастырских, купеческих и государственных крестьян с зачётом их за рекруты и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян по нареченной в сем указе ценой». Таким образом, законодатели убили одним выстрелом двух зайцев: «соблюли государственный интерес», доставив на пустующие земли крестьян, и в то же время изъяли из крепостной деревни наиболее активных борцов и обезопасили тем самым устои крепостничества. Этот указ давал право помещикам вместо представления для армии рекрутов, ссылать непокорных крестьян, «которые... вместо услуг непристойными продерзостными поступками... беспокойства причиняют и другим подобным себе пример дают». В первоначальном тексте сенатского указа был сделан также ряд оговорок в пользу помещиков: «что же касается до меры и росту тех отправляемых людей, то в сим случае оное не наблюдается... При приеме предостерегать, дабы те отправляемые люди и крестьяне были здоровы и неувечны, а хотя б некоторые члены и повреждены были, точию б к работам не было помешательством». Отправлять в Сибирь на поселение полагалось мужчин не старше 45 лет. В первые годы после указа помещики в какой-то мере считались с этим положением, но позже убедились, что никто не следил и не проверял возраст ссылаемых, и стали отправлять не только молодых мужчин, кто был опасен для феодалов, но и тех, кто по старости или нездоровью не годился в хозяйстве. С тем, чтобы ссыльные стали колонизационным элементом, предполагалось вместе с мужьями в ссылку отправлять и жен, за что помещикам устанавливались особые выплаты. Но нередки были случаи, когда помещики при отправке крепостных в ссылку отнимали детей от отцов и матерей, о чем свидетельствуют материалы церковного учета и статистические данные переписи, либо ссылали мужчин одиночками, оставляя их семьи на старом месте жительства.

При сибирском губернаторе была учреждена «секретная и о заграничных сообщениях комиссия», которая и занималась организацией препровождения партий ссыльных и их распределением по районам расселения. При командующем сибирским корпусом в Омской крепости была создана «поселенческая экспедиция» со штатом офицеров и солдат, ведавших водворением ссыльных, выдачей им кормовых денег и пособий, и контролировавших хозяйственное обзаведение посельщиков. Но офицеры осуществляли не только суд, но и расправу над посельщиками, допускали растраты «поселенческих сумм» и злоупотребления по отношению к ссыльным. По представлению сибирского губернатора от 1765 года, из «присылаемых на поселение за продерзости, кои не способны к пашне и не прилежащих к домам», а также лакеев и одиноких разрешалось определять на военную службу, и этим правом широко пользовались для того, чтобы пополнять бывшими ссыльными ряды казаков сибирского войска, служба в котором была очень нелегка.

Как и до указа 1760 года, в Сибирь шла категория ссылаемых «за вины», которых часто в документах именовали колодниками. Среди них было много крепостных, сосланных «за неповиновение власти помещика», за побеги от помещика, за увод лошадей, и даже за вины малосущественные. Например, Алексей Синельников был сослан в Сибирь вместе с женой: «за произношение слов нашот ево начальства наказан плетьми и сослан на поселение». После 1760 года к этой категории добавились ссыльные в счет рекрутов, а с 1765 года — выведенные из Польши беглые русские. Из всех этих групп лишь наиболее опытные, с точки зрения феодальных законов, преступники под строгой охраной препровождались в Восточную Сибирь и на крепостные работы. Остальные категории — и «ссылаемые за неволиные вины», и ссыльные в счет рекрутов, и выведенные из Польши — шли на поселение. Часто они поступали в одних партиях, и под названием посельщиков распределялись на водворение во вновь заводимые селения, находившиеся в ведении «поселенческой экспедиции». Многих крепостных перед отправкой помещики подвергали публичной порке кнутом и розгами «за неповиновение» или «предерзости», потом ссылали в Сибирь, получая квитации, как за сданного рекрута. Когда ссыльные жаловались на неправильную ссылку, местная сибирская администрация жалобы в центральное учреждение не пересылала, а всем отвечала, что возвращать неправильно осужденного она не имеет права, «жалобы на неправильное будто бы их переселение не могут быть приняты в уважение, ибо никакое начальство не имеет права входить в разыскание и причинах негодования помещика».

Списки ссыльных, хранящиеся в Омском и Тобольском архивах, с краткими пометками о причинах ссылки, не всегда раскрывают истинные причины ссылки. Однако несомненно, что за краткой формулой: сослан «за предерзостное поведение», скрывается проявление классовой борьбы, наказание за политические выступления против господствующего класса и его государственного аппарата. Не случайно увеличение потока ссыльных совпадает с обострением кризиса крепостничества, приведшего к крестьянскому восстанию Емельяна Пугачева. Нетрудно догадаться, что за «бунтарские речи» произносились тогда, в чем могло проявиться «возмущение и непослушание». Поэтому ссылка совершалась по произволу помещиков, и в Сибирь отправлялись наиболее активные борцы.

Б. КАССАЛ,
руководитель
секции экологии НОУ.

(Продолжение следует).

ОСВОЕНИЕ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

(Продол. Нач. в №№ 67, 68).

2. ССЫЛКА

Но среди ссыльных много было таких, кто ссылался, чтобы помещику не надо было поставлять рекрут из числа молодых здоровых мужчин, нужных в хозяйстве. Новгородский губернатор Сиверс признавал, что среди ссыльных много безвинных жертв, а «суд даже не может спросить и исследовать дело». Об этом Екатерине II докладывал и сибирский губернатор, который писал, что среди ссыльных много дряхлых и калек, от которых вотчинники, как «от неспособных к содержанию в домах избавляются», чтобы не поставлять рекрут. При страшных варварских условиях перевозки и размещения, «при великом упадке перевозимых», как признавали руководители военной и иностранной коллегий, основная масса поселенцев выжила, освоилась с условиями жизни в Сибири, влилась в сибирское крестьянство, оставила после себя потомство и послужила колонизационным элементом для Омского Прииртышья. Прибывая на место водворения, они брались за обработку земли, что для них являлось единственным источником существования, и, как это ни было трудно, многие обзаводились хозяйством и семьями. В Омском уезде ссыльные посельщики заселили уже в то время села Баженово, Нагибино, Саргатское, Крупянское и целиком Еланскую волость (по Барабинской степи).

Б. КАССАЛ,
руководитель
секции экологии НОУ,

К 400-летию Тары

Освоение Омского Прииртышья

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

(Продолжение. Начало в №№ 67, 68, 71).

До середины 18 века лесостепные просторы Омского Прииртышья оставались практически незаселенными. Сибирские татары, жившие в окрестностях Тары, приходили на эти земли во время сезонов охоты и рыбной ловли. Взяв желанную добычу, охотники возвращались к своим семьям, пользуясь преимущественно водными путями, —благо, Прииртышье было ими так богато. Обширное пространство с реками, озерами, лугами и лесами, являлось охотничьими угодьями татар Каурдацкой, Тавско-Утузской и Саргацкой волостей. Их население было немногочисленным, жило оно оседло в 22 деревнях, успешно осваивало русскую земледельческую технику, но охота и рыбалка оставались для них основным способом добычи и пропитания. Поэтому они ревностно охраняли свои звероные и рыбные угодья. Попытка У. М. Ремезова завести русскую слободу на их территории окончилась неудачей — после многочисленных жалоб татар в адрес сибирской администрации на стеснение ясачных угодий, слобода была «с тех земель сведена». Вместе с тем, на занимаемой территории было большое количество пригодной к хлебопашеству земли, расположенной по увалам и еланям, которая практически никак не использовалась для земледелия — пашня татар занимала очень незначительную площадь. Соседние же с татарскими землями русские волости Тобольского уезда испытывали острый недостаток в пахотных землях, и это вынуждало крестьян искать пути проникновения в татарские владения. При отсутствии конфликтов между татарским и русским населением, крестьяне сами договаривались с татарами и получали от них «отступные грамоты» на право заселения того или иного участка. Кроме того, прекрасно зная местность, сибирские татары становились проводниками русских военных топографических отрядов, направленных на рекогносцировку из Омской области. Благодаря местному населению, татарские названия озер и речек Прииртышья навечно закрепились в истории — Тюкала, Саргатка, Теренкуль, Баслы, Кайлы и другие. Проникновение в лесостепь русских казаков и крестьян привело к тому, что в географических описаниях наряду с тюркскими стали употребляться и русские названия: озера Шипицино, Лебяжье, Замиралово, речки Сухотиха, Быстрая и др.; вокруг них лежали богатейшие сибирские непаханные черноземы. Узнав об этом, некоторые крестьяне стали писать в адрес администрации челобитные об отводе им новых земель на ясашных территориях, но чаще всего получали отказы: крестьянам «в татарских угодиях никакими промыслами промышлять не велено», а «помянутые татары должны оставаться при владении теми землями и угодиями, кои за ними по древним правам утверждены». Не все крестьяне соглашались с правительственными распоряжениями и на свой страх и риск устраивали свои заимки и хутора на облюбованных землях. Местное население с такими захватами не соглашалось, но войны с крестьянами не устраивало, а обращалось с претензиями к сибирской администрации. Для разбора случавшихся жалоб в места самовольного вселения русских выезжал директор экспедиции домоводства казенной палаты, и после обследования местности писал: нельзя переселенцам заводить мелкие селения и селиться вблизи татарских юрт, дабы «не было стеснения». Самовольные переселенцы без лишнего шума изгонялись к местам прежнего жительства, сожалея о неудавшейся авантюре. Вместе с тем, администрация брала на заметку, что «по пространству, занимаемому помянутыми поселенцами, кажется неоспоримым заключить можно, что не только ныне населящие могут иметь на оных землях надлежащие селения, выгодные и без помешательства друг другу, но уповательно, что, не лишая сих потребных селениями выгод, можно на сии места и сверх ныне поселявшихся поселить еще нарочитое оных количество».

В 1759 — 1770 годах на юг в лесостепную зону из Тарского уезда выбыла большая группа земледельцев. К этому времени в старых селениях число жителей сократилось из-за их отселения за Иртыш, на восточные земли, и рост русского населения Тарского уезда происходил только за счет осваиваемых окраин. Тарские разночинцы и крестьяне выбывали на территории соседних Омского и Каинского уездов, часть тарчан выехало в Усть-Каменогорскую крепость. На смену им приезжали крестьяне из Тобольского уезда, поселяясь в городе Таре и в уже существующих деревнях вокруг Тары. Лишь цепочка мелких деревень связывала Тару по Иртышу с Омской крепостью и по тракту через болотистый Аевский волок с Викуловской слободой. Для дальнейшего расселения как старожилых крестьян так и новоприбывших, имелся богатый выбор мест. С юга и севера, с востока и с запада к заселенным русским местностям примыкали свободные пространства или малозаселенные угодья ясашных татар. Поэтому крестьяне Татищевской слободы с разрешения местных властей выезжали на юг по Иртышу, из Бергамакской слободы — расселялись на восток по реке Таре, из Аевской слободы — на запад вверх по Аеву. Узнавание нового района и близость его к местам старого жительства давали возможность переселяться, не прерывая сельскохозяйственных работ, и постепенно возводить хозяйственные постройки. Обилие черноземных увалов и сенокосов на юге по Иртышу и Оше привлекали в эти места не только тарчан, но и более дальних переселенцев. Еще в 1755 году военное командование намеревалось продать крестьянам строения в старых форпостах вдоль Иртыша, уже отслуживших свое, но их заселение задержалось, и в 1768 году желающие спрашивали: «Ежели Инберинский и Ирчинский форпосты свободны, а их пахотные и сенные земли не значатся под поселением ведущихся из России посельщиков», то не будет ли позволенно им переселиться в те форпосты «и дорогу почтовую от Омской крепости к слободе Татищевской учредить на городовой стороне реки Иртыша, так как эта дорога ближе и исправнее». Правительство было заинтересовано в том, чтобы крестьяне увеличивали количество пахотной земли, —это сулило обеспечение военных гарнизонов продуктами питания, —и способствовало увеличению крестьянского населения. Большинство тарских разночинцев, по докладу губернатора Д. Чичерина, не владело ремеслами и «добывали пропитание ловлей птиц и рыбы», поэтому все они были определены в крестьяне и выселены из Тары в деревни Лоскутову, Самсонову, подселились в старые деревни, привилегированная часть разночинцев, исправно плативших налоги, осела на своих заимках и отъезжих пашнях, если таковые были. Они же основали деревню Шипицину на Тартасе, Чинянину и Козину на Оми, а также деревни Ложникова, Горбунова, Неупокоева, Сибирцева.

Б. КА[illegible]Л, руководитель секции [illegible]логии.

(Окончание следует).

Освоение Омского Прииртышья

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

(Продолжение. Начало в №№ 67, 68, 71, 72).

Вместе с тем, Тарский уезд еще располагал и значительными земельными просторами, которые были никем не заняты, и это позволяло живущим там крестьянам вести переложную систему земледелия. В топографическом описании Тарского уезда сообщалось, что земля имеет «нетолстый черный слой..., бывает урожай в лучший год в пятеро, а иногда по неурожаю оного и употребленный на посев хлеб едва вымолачивают..., хлеб сымают с распашанных земель по три и по четыре года, а после этого земля ко урожаю остается не в силах» и бросается в залежь на много лет. Лишь «по близости от города и то не во многих местах задабривают навозом, а в прочих селениях пашенных земель имеют довольно и выпашкою оставляют в залеж».

С постройкой Омской линии укреплений для русских переселенцев открылись возможности массового заселения лесостепных районов Прииртышья: крестьяне уже не боялись грабительских набегов степных кочевников.

В сравнении с таежными и подтаежными территориями, эти земли были гораздо удобны для земледелия. Поэтому в лесостепной зоне была перспективная возможность для быстрого роста населения за счет переселения крестьян из ранее обжитых таежных районов Сибири, и новых поселенцев из России.

Поручик Бутенев, обследовавший в 1758 году Абацкую степь, «нашел годные под поселения места при озере Алабуге, реке Тюкале, озере Колмакове, реках Яман и Кутурьме, озере Ик». Всего он указал 12 мест для расселения крестьян, в том числе три места на западном берегу Иртыша, против Чернолуцкой слободы и Красного Яра. Однако с переездами крестьяне медлили. Военно-походная канцелярия в этом обвиняла управительские канцелярии, которые, по мнению командующего, «ничего не делали» для высылки записавшихся на новые места. Но задержка с выездом происходила не столько из-за волокиты судных контор и управительских канцелярий, сколько по осмотрительности самих крестьян, из желания лучше узнать и разведать новые места, убедиться в пригодности новых земель и совершить поэтапное переселение, не прерывая из-за этого сельскохозяйственных работ. В результате этого Ишимская управительская канцелярия в рапорте от 8 апреля 1760 года сообщала, что в «здешней Коркиной слободе во всенародное известие публиковано по приглашению к поселению на проложенную новую дорогу от Абацкой слободы. Явилось охотников 4 человека». Этого было явно недостаточно, поэтому войсковое командование вынуждено вспомнило, что еще в 1748 году в Ялуторовском дистрикте составлялись списки желающих поселиться в ведомстве Омской крепости; было составлено требование, чтобы записавшиеся были «для скорейшей их высылки» собраны в управительской канцелярии, «увещены, принуждены были неослабно для переселения... не приемля от них никаких о не съезде их с прежних мест отговорок, ибо они добровольно сами о том просьбу приносили». И переселение состоялось. Проводилось оно без оказания помощи переезжающим и без предоставления им льготного срока в отношении уплаты налогов: «Впредь до весны оставить и приказать им, чтоб необмолоченный хлеб в крайней скорости обмолотили и хоромовое строение распродали, а будущей весной как скоро снега сходить станут, то высылать их на отведенные им к поселению места, не приемля от них никаких отговорок, дабы они в тогдашнее время на новых местах как домовым строением обзавестись, так и под посев ярового хлеба пашен распахать могли и впредь бы ни малейших отговорок приносить и от поселения отбывать не могли». А «для уборки хлеба на прежних местах оставить по одному человеку, а более никого не держать». Такая забота администрации о крестьянах объясняется необходимостью своевременного получения натуральных налогов, которые шли на прокормление служилых людей в военных гарнизонах.

С конца 1760-х годов началось заселение пространств южнее Большой речки. После заселения Большерецкого и Кушалинского форпостов были основаны деревни Ингалинская, Карасукская, Могильно-Старожильческая, Хохлова, и другие. Кроме русских «съезжих мужиков из разных мест», в них осело около двадцати татарских семей, переселившихся с устья реки Тары. Аевский волок с его болотистыми берегами оставался почти незаселенным, поэтому сибирская администрация с 1769 года начала водворять в этом районе ссыльных которыми были заселены деревни Становая, Решетина, Верхне-Аевская, Аевский волок, а также часть тракта, проходящего через заболоченные пространства от деревни Артынской на восток, и деревни Копьеву и Резину. Несмотря на постепенный рост населения, земельные наделы деревням оставались без изменения, в тех размерах, что были отведены при основании селений. Поэтому в отдельных местах у поселенцев ощущался недостаток пашенных земель и сенокосов, и крестьяне были вынуждены арендовать их у татар, расплачиваясь в основном зерном. В результате этого на ряде арендованных участков земли возникали заимки основателей будущих сел: выселки Петрова, Шиштамак, Петелина, Кузнецова, Доронина.

На границе со степью военная опасность сохранялась по-прежнему, и для укрепления сибирских гарнизонов из центральной части России в новые крепости переводили солдат регулярных войск и казаков. Значительную часть переселенцев составляли ссыльные крестьяне, опальные стрельцы и старообрядцы. Случались при этом и недоразумения: например, тарские разночинцы Пушкаревы, Осип Малых и Никита Щепков жаловались, что несколько лет назад купили они строения Кушайлинского форпоста, а при водворении ссыльных их земли отдали посельщикам деревни Саргатской. Неизвестно, получили ли они какую-то компенсацию, но переселение людей продолжалось. В результате того, что в непосредственно связанных с Сибирью областях Европейской России широко распространились слухи о плодородии и изобилии новообретенных сибирских земель, резко увеличился приток вольных переселенцев и оседание их на пашню в лесостепной зоне Омского Прииртышья. На восток от Иртыша переселенцы основали деревни Сыропятскую, Нижне-Омскую и др. Возле Омской крепости в Боровском форпосте, на Красном Яре, у озер Китайлы и Авлы крестьяне и разночинцы Чернолуцкой слободы распахали земли под урожай будущего года, поставили там заимки, а затем на их месте появились казачьи станицы и деревни Красноярская и Большая и Малая Кулачинские. И если в ревизских сказках 1763 года деревень в указанных местах не показано, то в 1766 году кроме них упоминаются еще и деревни Китайлы, Авл, Боровская. Уплотнение населения заставило перейти крестьян от перелога к трехполью, и опасения некоторых чиновников в отношении возможного разорения крестьян не оправдались.

Б. КАССАЛ,
руководитель секции истории НОУ.

(Продолжение следует).

Освоение Омского Прииртышья

(Продолжение. Нач. в №№ 67, 68. 71, 72, 73).

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Интенсивно происходило освоение междуречья Иртыша и Ишима. Еще в 1743—1745 годах его обследовали военные топографы, пометившие на составленных ими картах: «Урочище Катай... залегло непроходимыми камышами, озерами и займищами», занимая значительную часть современных Называевского, Тюкалинского, Крутинского и Любинского районов. Из болот и займищ этого урочища, представлявшего собой «царство рыб, птиц и зверей», вытекали многоводные и бурные в весеннее время речки Тюкала, Камыша, Крутая Саргатка, Сухотиха, Быстрая, и др. В одном из донесений 1760 года сообщалось: в 12 верстах от Замиралов ской почтовой избушки «имеется речка Саргатка весьма быстрая и разливистая, а на оной построен мост весьма мал... Надлежит оной мост построить на клетках сажен на 50, понеже оная речка глубокая». Обширная водная система с огромным водосборным бассейном, размещавшаяся в междуречье Иртыша и Ишима, с присоединением новых территорий к Российской империи, оказалась объектом интенсивного освоения русскими поселенцами. Почти все озера урочища Катай, от Чистого до Куремы и от Лебяжьего до Антениса и Казырлов были соединены речками и протоками и составляли единую транспортно-коммуникационную систему. Даже река Оша, по описанию 18 века, принимала в себе более 40 притоков и 20 истоков и озер. «В летнее и жаркое время Оша шириной бывает от 10 до 15 сажен, глубиной от 3 до 10 аршин», весной весьма многоводной, затопляющей окрестные луга и пригодной для судоходства до середины лета. Поэтому начавшееся с северо-запада урочища его освоение переселенцами из-за Ишима, из Абацкой слободы и Фирсовской волости быстро распространилось в глубину Катая. Переселяющиеся русские крестьяне ставили свои деревни по берегам рек и озер, распахивали все пригодные для этого земли, рубили для строительных нужд леса, охотились на кабанов, бобров, лосей и косуль. По многочисленным протокам проходила рыба, и поселенцы ставили запоры и ловили рыбу в изобилии. «Во всех оных озерах, — сообщалось в описаниях, — рыба караси, щуки, окуни, чебаки, ерши и лини». Таким образом, вопрос продовольственной базы на начальном этапе освоения этой местности для переселенцев был решен, и это позволило крестьянам переезжать не постепенно, как в других местностях Прииртышья, а сразу, оставляя на старом месте истощенные земли и хозяйственные постройки. Особенно важно это было для ссыльных, получивших возможность в относительной сытости заняться обустройством своей жизни на новом месте.

В наставлении для размещения посельщиков войсковой администрацией рекомендовалось «на первый случай селить по 9 дворов, считая во дворе по три действительных работника». С устройством жилищ первыми посельщиками к ним стали подселять вновь прибывающих. Появились деревни Гладевская, Сладкая и Катайская, и множество хуторов и займок. Ссыльные крестьяне и опальные стрельцы, насильно переселенные в Сибирь, неожиданно для себя обретали настоящий земной рай. «Беря замуж дочерей татарских», русские поселенцы роднились с местным населением; для их детей Сибирь становилась Родиной, а Россия была далекой и незнаемой.

Со временем Московско-Сибирский тракт, по которому осуществлялись перевозки грузов и ямская гоньба, был смещен к югу, и стал проходить через Омскую крепость. Тюкалинский станец, где находилась станция для ямской гоньбы, был преобразован в слободу, а ее жители основали деревни Тюкалинскую, Бункову, Солдатскую, Чащину, и другие. В районе озера Ик переселенцы из северных районов построили деревни Крутинскую и Иковскую. Особенно активно шло заселение казаками Чернолуцкой слободы.

Увеличение численности русских в Омском Прииртышье не могло не повлиять на местное население. Одним из важнейших последствий освоения Сибири стал переход ряда живших охотой, рыболовством и кочевым скотоводством аборигенных племен к земледелию. Нередко сибирские народы приходили к земледелию и к интенсивному хлебопашеству через разорение своего традиционного хозяйства, поскольку вольно или невольно, но охотничьи угодья по тем или иным причинам оказались опустошенными.

(Продолжение следует).

Б. КАССАЛ,
научный сотрудник секции
этнографии НОУ.

К 400-летию Тары

Освоение Омского Прииртышья

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

(Продолж. Начало в №№ 67—75).

С заселением русскими лесостепного пространства, татары из-под Тары и устья Ишима все реже и реже стали появляться в заметно оскудевших звероных угодьях и на рыбных озерах лесостепи. Лишенные в районах широкого сельскохозяйственного освоения части угодий из-за расселения русских и совпавшего по времени натиска кочевых племен, прорвавшихся через линию обороны с юга, а также вследствие оскудения «леших промыслов», сибирское татарское население было вынуждено приспосабливаться к новым условиям, перестраивая свою жизнь. Постепенно из подспорья к рыболовству, охоте или скотоводству земледелие превращалось у них в главную хозяйственную отрасль.

Коренное население Прииртышья стало заниматься хлебопашеством, практически, всюду, где тому не препятствовали природные или политические условия. Многие татары стали перенимать у русских приемы не только земледелия, но и скотоводства, перевода животных на зимне-стойловое содержание и получая от них животноводческую продукцию в течение всего года, значительно повышая тем самым свой жизненный уровень.

При отводе земель под селения и пашни стремление правительства к сохранению ясачных волостей, как источника поступления в казну пушнины — валюты того времени, выражалось более последовательно, чем ранее. Помимо угроз «бить кнутом нещадно» тех, кто «у ясачных людей угодья пустошит», присылались указы устраивать переселенцев только на «порожжих» местах, и у ясачных людей угодий «не имать». В подкрепление этих предписаний не раз ликвидировались как пашни, так и селения, возникшие на ясачной территории. Поэтому нередкой была ситуация, когда лучшие земли (прежде всего, покосы) принадлежали не русскому, а проживающему по соседству аборигенному населению. Но это не спасло звероные угодья от полного опустошения, в результате чего исчез тормоз дальнейшего расселения пахотных крестьян.

Среди различных социальных групп переселенцев в Сибирь старообрядцы составляли значительное число. Высылаемые на новое жительство, они старались поселяться отдельно, сохраняя особенности своей веры. Не принявшие церковных нововведений крестьяне и разночинцы продолжали исполнение обрядов по-старому, и обособлялись от остального населения так, как могли и умели. Однако какой-либо религиозной нетерпимости и розни в это время не отмечалось. Население греческого вероисповедания, как именовали основную массу православных, и старообрядцы продолжали жить в одних селениях, между ними заключались браки, нередкими были случаи перемены исповедания. Крестьяне старообрядцы Ялуторовского, Ишимского, Тюменского уездов обычно переселялись вместе с другими группами, но когда предоставлялась такая возможность, староверы сосредоточивались в отдельных вновь заводимых селениях: из деревни Островной Знаменского погоста большинство крестьян переселилось в ведомство Тюкалинской слободы и основали там новую деревню Островную, а старообрядцы остались на месте. Позже, в 1795 году семья Ивана Седельникова из 15 человек и его братья из Островной с разрешения властей переселились вглубь урмана и на реке Уй основали деревню Седельникову, ставшую центром старообрядчества в районе. По сравнению с другими поселенцами, староверы более тщательно соблюдали все законы и предписания сибирских властей. Но начавшиеся религиозные притеснения вынудили подавляющее большинство Ишимских и Знаменских староверов, следом за братьями Седельниковыми, выселяться в уединенные урманные места: так возникли выселки Львовка, Елизаровка, — последнюю основал Елизар Воронин, который длительное время жил пустынником.

Рост численности крестьянского населения в Прииртышье привел к постепенному сокращению площади свободных земель, пригодных для пашни. Поэтому «бросать земли в залежь» на несколько лет подряд, как это делалось по уже сложившейся традиции земледелия, стало невыгодно, и большинство крестьян перешло к более прогрессивным формам обработки земли — паровой системе с «перелогом», а местами — и к трехполью. В благоприятные годы на вновь освоенных землях удавалось получать высокие урожаи, но иногда посевы страдали от засухи или от ранних заморозков. Обилие получаемого зерна требовало его переработки на месте, а для этого требовалось строительство большого количества мельниц. Сначала их явно не хватало и это добавляло переселенцам трудностей при налаживании хозяйства лишая возможности печь в нужном количестве хлеб. Поэтому «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варили кутьею и так ели». Но со временем в пашенных районах начали действовать сотни водяных мельниц, среди которых постепенно сокращалось число простейших «мутовок» и увеличивалось количество более сложных и производительных «колесчатых». На малых речках Карухе и Воровске, Авлухе и Крупянке (оттуда и название!) были устроены запруды и вовсю работали мельницы. На речке Камышловке, впадавшей в Иртыш вблизи Омска, тоже стояла мельница, и возведенный в этом месте сторожевой редут получил название Мельничного. Появившиеся на малых реках многочисленные мельничные запруды привели к возникновению прудов и зарегулированию стока воды. В результате этого паводки на реках перестали быть столь бурными, как ранее, и влага сохранялась в руслах в течение всего лета и осени. В прудах размножалась рыба — караси, лини, окуни и щуки, добыча которой разнообразила стол земледельца.

Наступивший к концу 18 века период засух в Западной Сибири привел к тому, что многие озера и малые реки потеряли свою многоводность. Урочище Катай тоже в значительной мере пересохло. Ранее залитые водой елани стали доступны для косьбы, распашки и пастьбы скота. В когда-то непроходимом Катае одна за другой стали возникать крестьянские деревни. В 1785 году была основана деревня Рыбья, в 1788 году — Тупицына и Бузунская, в 1789 году — Бабья и Большепесчаная, а немного позднее — Драгунская, Лузина, Называиха, Сафониха, и другие. На избранном месте обычно первыми поселялись 2—3 семьи крестьян из ближайшей деревни, через год—два к ним начинали подселятся крестьяне из более дальних деревень — Чупиной (Маслянской), Кошкаргайской и других деревень с Ишима, и в результате многие деревни в первые же годы вырастали в крупные земледельческие поселения. О некоторых новых деревнях в ревизских сказках была сделана запись: «по близости ко вновь заведенному хлебопашеству съехались сами собою произвольно без письменного дозволения».

Б. КАССАЛ,
руководитель секции экологии НОУ.

(Окончание следует).

К 400-летию Тары

Освоение Омского Прииртышья

3. КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

(Окончание).

Крестьяне активно распахивали елани по увалам озер и проток, рубили строительный лес, пускали палы, а по гарям без вспашки сеяли рожь, а на второй год — овес, и лишь на третий год землю начинали пахать. Такое наступление пашен, пастбищ и сенокосов на пересыхающее Катайское урочище приводило к неизбежному сокращению площади займищ и, как отмечали обследователи, «к оскудению речек, вытекающих из урочища, к появлению на озерах сорной растительности». Крупнейшей гидросистеме лесостепного Прииртышья был нанесен смертельный удар, после которого она уже не смогла справиться, и после того, как период засухи прошел, восстановления болот, проток между озерами и большей части местных малых речек не произошло — они были замещены пашнями и другими сельскохозяйственными угодьями. Аналогичные процессы оскудения природы происходили и на восточном берегу Иртыша, в Обь-Иртышском междуречье, хотя и не были столь интенсивными. По крестьянских переселенцев проблемы сохранения малых речек и полноводных озер не волновали, главное для них была — пашня!

Наряду с производством зерна, важной отраслью крестьянского хозяйства оставалось животноводство. Кроме лошадей, коров и овец, поселенцы стали разводить свиней. Спрос на домашних животных постоянно возрастал, поскольку, кроме продуктов питания, они обеспечивали крестьянские семьи кожей, овчинами, шерстью. Вместе с производством изделий из шерстяной пряжи и выделкой кож получили дальнейшее развитие такие промыслы, как мыловаренный и свечной. В Омске, являвшемся административным и торговым центром уезда, появилось много мелких заводиков: салотопных свечных, скорняжных, и других, занимавшихся переработкой животного сырья.

Таким образом, в течение одного столетия практически, бесхлебная Сибирь превратилась в край, обеспечивавший себя собственным хлебом, несмотря на резко возросшее население. Уже в 1785 году были официально отменены обязательные поставки за Урал продовольствия из Европейской России. Крестьяне, составляя почти половину осевших за Уралом переселенцев, уже фактически, численно превзошли первоначально наиболее многочисленную в Сибири группу служилых людей. Поэтому натуральный оброк с пахотных крестьян был немедленно заменен денежным налогом, взимаемым сверх подушной подати. Нельзя сказать, чтобы это очень уж обрадовало крестьян, ведь помимо этих платежей, они были вынуждены выполнять натуральные земские повинности: продолжать обрабатывать, хранить и перевозить хлеб, поставлять в казну холст и пеньку, заготавливать лес. В районе прохождения Московско-Сибирского тракта крестьяне, казаки и солдаты дополнительно привлекались к устройству и ремонту мостов, постройке отводных каналов, строительству насыпей и другим работам.

В связи с тем, что регулярное войско не справлялось с несением службы в пограничном районе, простиравшемся на сотни километров, сибирские власти принудительно набирали крестьян в «выписные казаки», освобождая их от натуральных повинностей. Служба в «выписных казаках» и переход части крестьян к занятию промыслами и ремеслами увеличивали число семей, не производивших хлеб и другие пищевые продукты. Кроме того, много хлеба для содержания войск покупала у крестьян государственная казна, в хлебе нуждались и промышленные предприятия, особенно появившиеся государственные винокуренные заводы. В результате торговли зерном постепенно сформировался внутренний хлебный рынок Сибири. Но обмен продуктами и сырьем между местными рынками в городах и крупных селах внутри края был очень слабым — ему мешали огромные расстояния и плохие дороги; это тормозило дальнейшее экономическое развитие Сибири, и возможное преодоление этих препятствий было способно дать громадному краю необходимый толчок к последующему росту и развитию.

Б. КАССАЛ.